

УДК 342.565.2

ББК 67.300

О-76

Остапович И.Ю.
Горно-Алтайск, Россия

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ НОРМОТВОРЧЕСТВА

В статье анализируется опыт конституционного контроля в зарубежных странах и возможность использования их полномочий в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Исследуются полномочия Комитета конституционного надзора, предлагается, что некоторые из них сегодня приобретают особую актуальность в части наделения ими Конституционного Суда РФ. Анализируется практика Конституционного Суда РФ, где указывается, что выглядит позитивным предоставление Конституционному Суду РФ полномочий по осуществлению предварительного конституционного контроля проектов законов, устанавливающих или усиливающих уголовную, административную или иные виды ответственности. Кроме того, элементы предварительного конституционного контроля могли бы сыграть положительную роль в части устранения «избыточного нормотворчества».

Ключевые слова: Конституционный суд Российской Федерации, полномочия, предварительный конституционный контроль, «избыточное нормотворчество».

Ostapovich I. Iu
Gorno-Altaiisk, Russia

TO A QUESTION OF POWERS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE RULE-MAKING SPHERE

In article experience of the constitutional control in foreign countries and possibility of use of their powers in practice of the Constitutional Court of the Russian Federation is analyzed. Powers of Committee of the constitutional supervision are investigated. It is offered that some of them gain today special relevance regarding investment of the Constitutional Court of the Russian Federation with them. Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation is analyzed where it is specified that granting to the Constitutional Court of the Russian Federation of powers on implementation of preliminary constitutional control of drafts of the laws establishing or strengthening criminal, administrative or other types of responsibility looks positive. Besides, elements of preliminary constitutional control could play a positive role regarding elimination of «excess rule-making».

Key words: Constitutional court of the Russian Federation, power, preliminary constitutional control, «excess rule-making».

Существование специализированного механизма правовой охраны конституции является признаком правового государства. Наличие органа конституционного контроля дает основания полагать, что его полномочия носят исключительный, не присущий иным государственным органам характер. Самостоятельность органов государственной власти, закрепленная в ст. 10 Конституции РФ, в целом не предоставляет органу конституционного контроля возможности подменять как законодателя, так и правоприменителя. В юридической науке деятельность органа конституционного контроля рассматривается через восстановление подлинного смысла норм конституции [Зимин, 2002], корректив-

ровку нормативных актов и действий представителей высших органов власти [Эбзеев, 1996], обеспечение реального действия конституции [Арутюнян, 2004].

Ряд авторов (А.Б. Дидикин, Т.М. Пряхина) отмечают существенный рост влияния решений Конституционного Суда РФ на развитие конституционно-правовой доктрины, нормотворческую и правоприменительную деятельность [Дидикин, 2008; Пряхина, 2006]. Большинство российских конституционалистов связывает это с исключительной прерогативой Конституционного Суда РФ в части правовой охраны российской Конституции [Карпенко, 2009]. Указанная тенденция выявлена и учеными, исследующими законодательство об органах конституционного контроля, учрежденных в странах ближнего зарубежья [Василевич, 2010; Костаки, 2014; Соловьев, 2013; Райлян, 2014; Тайторина, 2010].

В России степень участия органа конституционного контроля в законодательном процессе является достаточно невысокой. Вследствие этого развитие нормотворческой деятельности Конституционного Суда РФ может быть рассмотрено с учетом создания особого правового механизма. Предлагаемый правовой механизм основан на особенностях модели судебного конституционного контроля, учрежденной в ст. 125 Конституции РФ.

Первым его элементом может стать использование в качестве основы нормотворчества статуса Конституционного Суда РФ как единственного органа, уполномоченного на официальное толкование Конституции РФ (п. 4 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Необходимость толкования связана с тем, что, как утверждают некоторые авторы (В.В. Ершов, Е.В. Рябцева), некоторые нормы Конституции РФ являются неопределенными, декларативными и не регулируют в полном объеме те или иные общественные отношения [Ершов, 2006; Рябцева, 2010]. Вследствие этого органу конституционного контроля, очевидно, приходится прибегать к расширительному толкованию.

В то же время, как отмечают другие исследователи (О.А. Самарина), правовые позиции Конституционного Суда РФ ограничивают свободу усмотрения

законодателя при изменении правового регулирования [Самарина, 2014]. Соответственно, расширительное толкование положения Конституции РФ, данное органом конституционного контроля, влечет ограничительное толкование при определении сферы правового регулирования.

В Конституции РФ, утверждают сторонники еще одной научной позиции, отсутствуют положения об ответственности органов государственной власти за результаты их деятельности [Научный макет новой Конституции России, 201, С. 98]. В целом не соглашаясь с данным утверждением, следует отметить, что выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл правовой нормы является обязательным как для законодателя, так и для правоприменителя и не может быть отвергнут или преодолен в законодательной и правоприменительной практике [Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6, 2003].

В своих постановлениях Конституционный Суд РФ неоднократно упоминал о том, что правовые нормы должны соответствовать критериям определенности, ясности, недвусмысленности (постановление от 27 февраля 2003 г. № 1-П, постановление от 14 ноября 2005 г. № 10-П и др.). При этом положения закона, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения. В конечном итоге, указывал Конституционный Суд РФ, это ведет к нарушению конституционных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 5 июля 2001 г. № 11-П, от 11 ноября 2003 г. № 16-П, от 6 апреля 2004 г. № 7-П, от 21 января 2010 г. № 1-П, от 20 декабря 2011 г. № 29-П и др.).

В этой связи возникает вопрос о необходимости выявления конституционно-правового смысла правовой нормы и в тех случаях, когда она соответствует этим критериям, но при этом юридическая необходимость ее принятия отсутствовала.

Такая необходимость, как представляется, может возникнуть в связи с определением наличия (отсутствия) пробела в правовом регулировании. Непосредственно Конституционный Суд РФ обнаруживает такой пробел при осуществлении конституционного судопроизводства. До момента принятия к производству поступившего обращения (жалобы, запроса) орган конституционного контроля не имеет возможностей по выявлению имеющегося пробела. Будучи органом судебной власти, Конституционный Суд РФ лишен, согласно ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», полномочий в части инициативного выявления правовых пробелов. Между тем, такой опыт в российской правовой действительности имелся. В 1988 г. был создан специализированный орган, ответственный за соблюдение Основного закона страны, которым стал Комитет конституционного надзора СССР. В Конституцию РСФСР в ноябре 1989 г. были внесены изменения, согласно которым было регламентировано правовое положение Комитета конституционного надзора РСФСР. Комитет конституционного надзора наделялся четырьмя блоками полномочий:

- 1) дача заключений о соответствии Конституции проектов законов, выносимых на рассмотрение Съезда народных депутатов;
- 2) дача заключений о соответствии Конституции РСФСР и законам РСФСР актов Верховного Совета, его палат, подготовленных проектов нормативных актов;
- 3) наблюдение за соответствием Конституции и законам РСФСР нормативных актов субъектов федерации и подзаконных актов федерального и регионального значения;
- 4) дача заключений о соответствии Конституции и законам РСФСР актов других государственных органов и общественных организаций.

Исполнение этих полномочий могло быть инициативным или же происходило на основании поручений Съезда народных депутатов, предложений Верховного Совета РСФСР и его структурных подразделений (палат, постоянных

комиссий, комитетов, Президиума) или высших органов государственной власти автономных республик, а также органов исполнительной власти.

Между тем, имеет значение не только выявление правового пробела, но и обратный результат: констатация его отсутствия. В современный период многие авторы (Л.В. Андриченко, С.Э. Несмеянова, Е.А. Юртаева) обращают внимание на существенные недостатки в процессе принятия законов. Среди этих недостатков называются, в частности: неоправданная поспешность в подготовке и принятии нормативных решений; бессистемность, наличие противоречий и несогласованностей внутри нормативно-правового массива; большое количество отсылочных норм, не приведение в соответствие нового акта с уже существующими [Андриченко, 2011; Юртаева, 2011]. В связи с этим дискуссионным до сих пор остается вопрос о необходимости введения в России предварительного конституционного контроля по образцу конституционного контроля конституционных советов отдельных стран (Алжир, Казахстан, Франция). Следует отметить, что в этих странах иное территориальное устройство и народонаселение. Одновременно масштабы деятельности российского парламента являются несопоставимыми ни с французским, ни с казахстанским правовым опытом.

Выборочный предварительный контроль представляется более обоснованным, но вряд ли будет широкомасштабно востребован, поскольку, например, у Президента РФ есть возможность заблокировать принятый Государственной Думой РФ и одобренный Советом Федерации РФ закон, воспользовавшись правом вето. Еще одной негативной тенденцией предварительного конституционного контроля выступает привнесение элементов политизации в деятельность Конституционного Суда РФ. В спектр рассматриваемых им дел неминуемо вовлекались бы актуальные направления изменения законодательства, в отношении которых существуют разные, часто противоположные позиции у фракций Государственной Думы РФ, а также в обществе в целом. Подобная тенденция вывела бы деятельность Конституционного Суда РФ за рамки рассмотрения

вопросов права, заставив быть в определенной степени арбитром, поддерживающим баланс общественного спокойствия.

Кроме того, противники позиций, сформулированных Конституционным Судом РФ, получили бы возможность истолковывать их не с точки зрения права, а с точки зрения политических пристрастий. По свидетельству ряда специалистов, сложившаяся практическая деятельность Конституционного Суда РФ в области формулирования правовых позиций способствует укреплению единообразия в понимании положения законодательства, основанном на особенностях современной правовой ситуации и конституционных положений [Ермошин, 2005]. В этой связи установление предварительного конституционного контроля потребует ведения Конституционным Судом РФ прогнозной деятельности. При этом прогнозирование будет учитывать три позиции: законодательство, гражданское общество, судебную практику. Все три позиции очень сильно связаны с человеческим фактором и иными обстоятельствами, изначально не поддающимися полному учету. Помимо этого, в связи с анализом правоприменительной практики не представилось бы возможным оценить принимаемый закон именно с этой позиции. Наконец, далеко не очевидно, что реализуя превентивный контроль и признавая соответствующим Конституции РФ принятый федеральный закон, в будущем Конституционный Суд РФ не сможет признать его не соответствующим. В связи с этим неизбежно появляется возможность повторного рассмотрения одних и тех же норм, в одном случае – как потенциальных правил поведения, в другом, – как действующих.

В то же время, в постановлении от 11 апреля 2000 г. № 6-П Конституционный Суд обозначил следующую позицию. Утрата законом юридической силы, как следует из ч. 6 ст. 125 Конституции РФ и конкретизирующих ее ст. 79 и 87 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», возможна лишь в результате признания его неконституционным [Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6]. Такое решение действует непосредственно, и потому отмена не соответствующего Конституции РФ закона органом, его принявшим, не тре-

буется. Он считается отмененным, то есть недействительным, с момента оглашения постановления Конституционного Суда РФ. В данном контексте предложение, связанное с недопущением появления неконституционного закона, выглядит обоснованным.

Особенно ярко это видно на примере возможного предварительного конституционного контроля проектов федеральных законов, устанавливающих ответственность. При их принятии такие законы расширяют перечень наказуемых деяний и вследствие этого потенциально могут допускать ограничения прав и свобод граждан, интересов организаций. Более того, они могут не содержать положений о дифференцированном определении вида или размера наказания. Такой вывод Конституционный Суд сделал в постановлении от 8 апреля 2014 г. № 10-П, признав не соответствующим Конституции РФ наличие слишком высокого минимального порога административного штрафа [Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10].

В практике Конституционного Суда РФ имелись случаи, когда он проверял соответствие Конституции РФ положений Уголовного и Уголовно-исполнительного кодекса РФ (постановление от 27 февраля 2003 г. № 1-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П). В первом случае он выявил конституционно-правовой смысл положений об исчислении срока отбывания лишения свободы в тюрьме. При этом сделал существенный вывод о том, что данное положение не исключает правомочие суда засчитывать осужденному к лишению свободы в срок тюремного заключения время, в течение которого к нему применялась мера пресечения в виде заключения под стражу [Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2003 г. № 1]. Во втором – признал не соответствующим Конституции РФ положения ч. 4 ст. 222 УК РФ, констатировав, что она не предполагает возможность учета специфики использования холодного оружия. Вследствие этого рассматриваемая норма не позволяет лицу, желающему реализовать оружие как предмет, имеющий культурную ценность, осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий, а

также предвидеть их уголовно-правовые последствия [Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18]. Оба постановления способствовали обеспечению законных интересов лиц, обвиняющихся в совершении преступлений, либо осужденных к лишению свободы.

В связи с этим выглядит позитивным предоставление Конституционному Суду РФ полномочий по осуществлению предварительного конституционного контроля проектов законов, устанавливающих или усиливающих уголовную, административную или иные виды ответственности.

Кроме того, элементы предварительного конституционного контроля могли бы сыграть положительную роль в части устранения «избыточного нормотворчества». Под «избыточным нормотворчеством» диссертант понимает принятие федерального закона при отсутствии необходимости установления регулирования общественных отношений путем принятия именно закона, а не другого нормативного правового акта. Например, в 2011 г. был принят Федеральный закон № 107-ФЗ «Об исчислении времени» [Об исчислении времени, 2011]; а летом 2014 г. – его новая редакция. Вряд ли правовые основы исчисления времени на территории РФ, а особенно – определение перечня субъектов РФ, на территории которых действуют определенные часовые зоны, нуждались в правовом регулировании именно федеральным законом. Страны Европы, например, руководствуются директивой ЕС 2000/84, в которой определяется порядок перехода на летнее время. По сути, это технический регламент.

Имеются и другие примеры «избыточного нормотворчества». Более того, в преддверии двадцатилетнего юбилея российской Конституции имела место политико-правовая дискуссия относительно необходимости принятия новой редакции Основного закона. В ходе этой дискуссии сложились три основные позиции. Сторонники одной из них (Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, В.Д. Зорькин, М.А. Митюков) обосновывали отсутствие такой необходимости ввиду того, что по Конституции РФ 1993 г. был создан уникальный государственно-правовой механизм, доказавший свою работоспособность [Витрук, 2008; Гаджиев, 2012;

Зорькин, 2014; Митюков, 1998]. Сторонники другой (Е.С. Аничкин, А.В. Малько) полагали, что Конституция РФ 1993 г. является документом переходного периода, который уже завершился [Аничкин, 2009; Малько, 2010]. Вследствие этого необходима её модернизация [Хадисов, 2014]. Ещё одна группа учёных (С.А. Авакьян, Н.В. Еленин) считала, что целесообразно внесение единичных изменений в Конституцию РФ [Авакьян, 2002; Еленин, 1998].

В 2011 г. коллективом авторов (С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, Д.В. Бачурин и др.) был подготовлен «Научный макет новой Конституции России», демонстрирующий потенциальную опасность «избыточного нормотворчества». В противоположность 137 статьям действующей конституции его авторы предлагают конструкцию из 240 статей, содержание большинства из которых (примерно 72%) ставит под сомнение необходимость включения подобных положений в Основной закон. Например, вместо положения о праве на охрану здоровья, регламентированного в ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, авторы макета предлагают следующую совокупность норм:

«Долг каждого человека заботиться о своем здоровье и вести здоровый образ жизни. В России ограничиваются проявления нездорового (в том числе безнравственного) образа жизни, в том числе гиподинамии, развратных действий, нездорового питания, наркомании, курения и потребления алкоголя, девиантного поведения. Запрещается любая их пропаганда и реклама в соответствии с федеральным законом. Скотоложство и мужеложство запрещаются» [Научный макет новой Конституции России, 2011, С. 318].

Как видно из приведенного текста, его авторы включают в проект основного закона страны вместо права на охрану здоровья обязанность каждого заботиться о собственном здоровье. Исполнение этой обязанности гарантируется набором ограничений, не содержащих правовой определенности. Два заключительных предложения этого текста никак не связаны между собой и с понятием здоровья. К тому же, одно из них сформулировано некорректно: для правильного его понимания нужно изменить порядок слов (иначе получается, что запре-

щаются реклама и пропаганда, осуществляемые на основе федерального закона).

Между тем, Конституция РФ представляет собой нормативный правовой акт, характеризующийся высокой степенью стабильности, - немногочисленные поправки в нее вносились лишь по трем направлениям. Одно из них было связано с объединением некоторых субъектов РФ (за исключением вхождения в состав России новых субъектов в марте 2014 г.). Другое касалось изменения срока полномочий Президента РФ и Государственной Думы РФ и контрольных полномочий Государственной Думы РФ в отношении Правительства РФ. Третье связано с новым этапом судебной реформы, преобразованием Верховного и Высшего Арбитражного Суда РФ в единый Верховный Суд РФ.

Вследствие этого можно сделать вывод о работоспособности Конституции РФ и адекватном отражении ею общественных потребностей. В целях установления правовой охраны Конституции РФ от «избыточного нормотворчества» представляется необходимым отнести к полномочиям Конституционного Суда РФ проверку соответствия ее нормам предлагаемых поправок. При этом несоответствие может быть установлено как по причине противоречия текста поправки действующим положениям, так и по причине необоснованности внесения такой поправки. При осуществлении проверки Конституционный Суд РФ мог бы принимать заключение, в котором содержалась бы соответствующая правовая позиция. Заключение должно носить общеобязательный и окончательный характер.

Во всех остальных случаях предоставление Конституционному Суду РФ контрольных полномочий в части выявления «избыточного нормотворчества» могло бы реализовываться следующим образом. Депутатам Государственной Думы РФ, органам законодательной власти субъектов РФ, гражданам, юридическим лицам и общественным объединениям следует предоставить право направлять соответствующие обращения в орган конституционного контроля. На сегодняшний день получила развитие тенденция размещения проектов фе-

деральных законов для общественного обсуждения в единой информационно-коммуникационной сети «Интернет». В этой связи положительную роль могло бы сыграть некоторое расширение полномочий Конституционного Суда РФ. Представляется возможным предоставить ему осуществлять проверку соответствия Конституции РФ проектов законов, размещенных для общественного обсуждения. Такую проверку можно было бы производить как по обращениям граждан, так и по собственной инициативе Конституционного Суда РФ.

Возможно, предоставление органу конституционного контроля полномочий по недопущению «избыточного нормотворчества» позволило бы оптимизировать законопроектную деятельность Государственной Думы РФ.

В связи с изложенным, ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» следует дополнить п. 3.2 следующего содержания:

«3.2. по обращениям граждан, юридических лиц, общественных объединений, запросам депутатов Государственной Думы РФ, группы депутатов Государственной Думы РФ или по собственной инициативе проверяет конституционность проекта закона, если этот проект:

А) размещен для общественного обсуждения в единой информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

Б) содержит положения, свидетельствующие о наличии избыточного правового регулирования».

Принятие итогового решения было бы возможно в данном случае в рамках письменного производства (ст. 47.1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Правовая позиция органа конституционного контроля отражалась бы в соответствующем заключении.

В целом предложенная правовая конструкция не будет свидетельствовать о нормотворчестве в его традиционном понимании. Даже в какой-то степени эту процедуру можно назвать «антинормотворчеством». В то же время, классическая концепция конституционного контроля подразумевает лишение юридической силы неконституционного закона. Сущность вносимого предложения ви-

дится в недопущении появления закона, формально соответствующего конституции, но логически и юридически не обоснованного. Правовое регулирование, как известно, является одним из многих инструментов регулирования общественных отношений. В этой связи предлагаемый «фильтр» может быть обоснован необходимостью правовой охраны конституции от размывания смысла ее положений.

Еще одна перспектива развития нормотворческой деятельности Конституционного Суда РФ находится в следующей плоскости. Как известно, решения Конституционного Суда РФ, содержащие требование об осуществлении дополнительного правового регулирования в императивной форме, исполняются в соответствии с установленным ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» порядком. На решения Конституционного Суда РФ, в которых содержатся рекомендации относительно возможного изменения правового регулирования, эти требования не распространяются. Тем не менее, по данным Секретариата Конституционного Суда РФ, имеется положительная динамика законотворческой деятельности. В 2010 г. было принято 10 федеральных законов во исполнение решений Конституционного Суда РФ, в 2011 – 13, в 2012 – 17 [Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, 2012]. В этом контексте положительным выглядит теоретически возможное предоставление права направления в Конституционный Суд РФ обращения о выявлении конституционно-правового смысла положений закона.

Действующая редакция ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (пп. 3, 3.1 ст. 3) допускает направление соответствующей жалобы или запроса в связи с применением закона в конкретном деле. Если же предположить, что граждане, общественные организации, суды смогут направлять именно обращения соответствующего содержания (вне связи с конкретным делом), имеется перспектива создания следующей правовой конструкции. Направление обращения повлечет его рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 47.1 ФКЗ «О Конституцион-

ном Суде РФ», поскольку обращение не содержит информации о нарушении прав. Таким образом, его рассмотрение не потребует проведения слушания в Конституционном Суде РФ. По результатам рассмотрения обращения будет принят акт толкования Конституции РФ, что является важным для развития законодательства и судебной практики.

На основе этого акта Конституционным Судом РФ могут быть сформулированы рекомендации относительно возможного правового регулирования. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в определении от 10 ноября 2002 г. № 281-О, предполагается необходимость конституционного судопроизводства, если без проверки конституционности оспариваемого закона нарушенные права и свободы не могут быть восстановлены [Определение Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2002 г. № 281, 2003]. Однако ни законодатель, ни орган конституционного контроля не учитывают необходимости выявления конституционно-правового смысла закона в целях обеспечения правильности его понимания правоприменителем. Установив, что из положений закона в их системной взаимосвязи с положениями Конституции РФ, не следует прозрачный механизм его применения, Конституционный Суд РФ сможет сформулировать предложения федеральному законодателю. Федеральный законодатель, в свою очередь, будет вынужден учесть правовую позицию Конституционного Суда РФ.

Использование такой конструкции может иметь превентивное значение: при разработке проектов законов и их принятии будет обращать больше внимания на определенность и недвусмысленность их положений. Предложенная конструкция также не является «чистым» нормотворчеством, но предусматривает деятельность органа конституционного контроля по снижению возможностей принятия закона, неправильно (неконституционно) понимаемого правоприменителем. Она отчасти послужит некоторому ограничению дискреционных полномочий законодателя, что также можно оценить положительно.

Следующая перспектива развития нормотворческой деятельности Конституционного Суда РФ видится в решении им вопросов об имплементации в правовую систему России правовых позиций Европейского суда по правам человека. В силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы России являются общепризнанные принципы и нормы международного права. Российский правоприменительный опыт в данной сфере базируется отчасти на Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней». В нем указано, что суды должны учитывать правовые позиции Европейского суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств - участников конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского суда.

В юридической науке существует несколько точек зрения относительно места правовых позиций Европейского суда по правам человека в российской правовой системе. Сторонники широкого (общегуманитарного) подхода (А.Л. Бурков) полагают, что их имплементация в национальное законодательство не требует принятия национального нормативного акта, они применяются непосредственно [Бурков, 2010]. Сторонники узкого (правоприменительного) подхода (Н.С. Бондарь) в целом не рассматривают правовые позиции Европейского суда по правам человека в качестве непосредственного критерия оценки соответствия Конституции РФ нормативных актов [Бондарь, 2011]. Некоторые авторы (В.Д. Зорькин) исходят из того, что сам характер российской Конституции позволяет без серьезных коллизий осуществлять сотрудничество с международными правовыми инстанциями [Зорькин, 2013].

Как отмечалось в докладе Конституционного Суда РФ XVI Конгрессу Конференции Европейских Конституционных Судов, «в своей практике Конституционный Суд соотносит с общепризнанными принципами и нормами междуна-

родного права осуществляемое государством регулирование прав и свобод человека. Международно-правовая аргументация привлекается для дополнительного обоснования правовых позиций Конституционного Суда, нередко используясь для разъяснения смысла конституционного текста, а также для выявления конституционно-правового смысла проверяемого законоположения» [Национальный доклад XVI Конгрессу Конференции Европейских Конституционных Судов, 2014].

При этом в декабре 2013 г. Конституционный Суд сформулировал собственную версию имплементации актов ЕСПЧ в российскую правовую систему, оставив, по сути, за собой право принимать окончательное решение по поводу возможности их исполнения на территории РФ после процедуры проверки соответствия положениям Конституции определенных норм российского законодательства [Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 г. № 27]. Исходя из этого, в нормотворческой деятельности Конституционного Суда РФ может появиться оттенок «пре-нормотворчества». Именно Конституционный Суд РФ может определять, является ли правовая позиция Европейского Суда, содержащаяся в его постановлении, выражением общепризнанных принципов и норм международного права. В зависимости от его решения эта норма имплементируется в правовую систему РФ. С учетом специфики вопросов, рассматриваемых в данном случае Конституционным Судом РФ, перспективным выглядит установление в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» особого вида производства – рассмотрение дел о соответствии Конституции РФ правовых позиций международных судебных органов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет признать необходимость поиска альтернативных решений наделяния дополнительными полномочиями Конституционного Суда РФ в сфере нормотворчества, а именно: развитие нормотворческой деятельности Конституционного Суда РФ при решении им вопросов об имплементации в правовую систему России правовых позиций Европейского суда по правам человека; особого правового механизма осуществле-

ния нормотворчества Конституционным Судом РФ, расширив его полномочия в части осуществления предварительного конституционного контроля.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Норма, 2002. С. 218.
2. Аничкин Е.С. Преобразование Конституции РФ: сущность и причины // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 323. С. 202-206.
3. Андриченко Л.В. Конституционные основы российского федерализма / Л.В. Андриченко, Е.А. Юртаева // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 5-16.
4. Арутюнян Г.Г. Принцип верховенства права как гарант конституционной демократии // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2004. С. 21-35.
5. Бондарь Н.С. О соотношении национальной судебной-конституционной и европейской конвенционно-юрисдикционной юрисдикций (в аспекте формирования европейского конституционализма) // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в XXI веке: проблемы и перспективы применения. М.: Юрист, 2011. С. 114.
6. Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. – М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 227-249.
7. Василевич Г.А. Конституционность как важнейшее условие качества нормативных актов // Проблемы управления. 2010. № 1. С. 147-151.
8. Витрук Н.В. Верность Конституции – основа прогрессивного развития современной России // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Политика. Право». 2008. № 4. С. 23-29.
9. Гаджиев Г.А. Официальное толкование конституции: сочетание онтологического и эпистемиологического подходов // Правоведение // 2012. № 1. С. 130-154.

10. Дидикин А.Б. Роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в развитии науки конституционного права и конституционно-правовой доктрины // Современное право. 2008. № 11. С. 65-67.

11. Еленин Н.В. Учредительное собрание: политико-правовая природа : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 1998. С. 17. Ершов В.В. Судебное право-применение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2006. № 5. С. 9.

12. Ермошин Г.Т. Конституционный Суд РФ в новом измерении // СПС «Консультант плюс», 2012; Конституция РФ в решениях Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев, Т.Г. Морщакова, Б.А. Страшун. М.: Норма, 2005. С. 8.

13. Зимин А.В. Конституционный контроль в системе разделения властей: теоретико-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2002. С. 181.

14. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. М.: Проспект, 2014. С. 7.

15. Зорькин В.Д. Взаимодействие правовых систем России и Европы: лекция // Российское агентство правовой и судебной информации [сайт] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20130516/267403404.html (дата обращения 01.07.2013).

16. Карпенко К.В. Роль конституционного контроля в развитии конституционного права Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2014. С. 5.

17. Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2009. С. 18.

18. Малько А.В. Конституционная политика как особая разновидность правовой политики // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. с. 2-5.

19. Митюков М.А. Проблемы реализации демократического потенциала Конституции РФ // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования. М.: МОНФ, 1998. С. 50.
20. Научный макет новой Конституции России / Под ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2011. 456 с.
21. Несмеянова С.Э. Вопросы влияния Конституционного Суда на развитие законодательства // Развитие регионального законодательства в РФ: проблемы и перспективы. – Екатеринбург: ГУ УИРЗ, 2011. С. 29-35.
22. Пряхина Т.М. Конституционная доктрина РФ. М.: Юрист, 2006. С. 171.
23. Райлян П. Роль конституционного правосудия в обеспечении законности в правовом государстве / П. Райлян, Г. Костаки // Право и жизнь. 2014. № 3. С. 195-200.
24. Рябцева Е.В. Особенности конституционно-правового содержания уголовно-процессуальных норм в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2. С. 150.
25. Самарина О.А. Российское законодательство о социальном обеспечении и роль в его развитии конституционного (уставного) правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Пермь, 2014. С. 8.
26. Соловьев П.В. Конституционность как основополагающий принцип нормотворчества // Вестник Полоцкого государственного университета. 2013. № 6. С. 132-136.
27. Тайторина Б.А. Институт конституционного контроля Республики Казахстан в исторической ретроспективе // Евразийский юридический журнал. 2010. № 4. С. 11.
28. Хадисов С.В. Перспективы совершенствования системы разделения властей путем принятия поправок в конституцию (Основной закон) РФ // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы II междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2014 г.). Пермь: Меркурий, 2014. С. 32-34.

29. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М.: Норма, 1996. С. 193.

Нормативно-правовые акты

30. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2012 году // Конституционный Суд РФ [сайт]

URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Documents/Report_2013.pdf (дата обращения 10.06.2014).

31. Конституционный Суд РФ: Национальный доклад XVI Конгрессу Конференции Европейских Конституционных Судов. Вена, 2014. С. 2.

32. Об исчислении времени: Федер. закон [принят Гос. Думой 20.05.2011] // Рос. газ. 2011. 6 июня.

33. Определение Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2002 г. № 281-О о прекращении производства по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статьи 6 Устава города Москвы в связи с запросом Правительства Москвы и жалобами граждан В.П. Жарко, А.В. Павленко и В.А. Шмелева // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 2.

34. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П по делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ.

35. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева // Рос. газ. 2003. 26 апр.

36. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 г. № 27-П по делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пп. 3 и 4 ч.4 ст. 392 ГПК РФ в связи с запросом Президиума Ленинградского окружного военного суда // Рос. газ. 2013. 9 дек.

37. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 ФЗ «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в РФ, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкчева // Рос. газ. 2014. 18 апр.

38. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2003 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.М. Голышева и К.П. Данилова // Рос. газ. 2003. 15 мар.

39. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса РФ, статей 1,3, 6, 8, 13 и 20 ФЗ «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной // Рос. газ. 2014. 2 июля.